Джейд Дэвлин
Карбон
2
Алая сова
Инсолье

Карбон
Джейд Дэвлин

Алая сова Инсолье 2

Серия «Алая сова», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70337611

Аннотация

Попасть в другой мир, чтобы обрести зрение и встретить судьбу? Почему бы нет. Особенно если эта судьба – злющая, как не знаю кто, но такая красивая…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 22
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 39
Глава 8 45
Глава 9 51
Глава 10 57
Глава 11 64
Глава 12 70
Глава 13 76
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Джейд Дэвлин, Карбон
Алая сова Инсолье 2

Глава 1

Алла

Когда мне на плечи опустился тяжелый, словно напитавшийся опасностью плащ, я не ожидала, что вместе с ним на меня накинут еще что-то. Наверное, это было заклинание.

Но ощущалось оно как внезапный приступ слабости и дезориентации, как груз на плечи и онемение.

Это было так страшно, что сознание почти отключилось от происходящего, сузилось в луч и могло осветить только маленький кусочек реальности.

Тот, где истекал кровью Хрюша. Эти люди пришли непонятно откуда и первым делом попытались убить одного моего друга, а потом добрались до Инсолье. Они что-то говорили, и я даже что-то отвечала, но эти слова ничего не значили.

Я не знаю, что там произошло, чужой плащ вместе с заклинанием обрушил на меня темноту, от которой я почти отвыкла рядом со своим невозможным спасителем. Единственные нити, что еще у меня остались, – это та едва заметная

фиолетовая, которой мой невозможный спутник связал нас, и другая, алая, пульсирующая болью, по которой я тянулась к умирающему от удара меча другу.

«Живи! Живи, слышишь! Ты должен встать! Должен помочь Инсолье, не дай им его повесить!»

Это было последнее, что я смогла вложить в ту силу, которую перекачивала по алой нити. Отдала до донышка. И потеряла сознание. Позволила темноте затянуть себя, словно в трясину.

– Святая умирает! – услышала я на краю сознания. – Нужно к лекарям! Открывайте портал!

Когда я в следующий раз пришла в себя, то первым делом услышала тишину, какая бывает в пустой комнате. Запах лекарственных трав и, кажется, местного алкоголя.

Удивительно, но не было даже секундной заминки. Я четко помнила, что произошло. И поэтому страх навалился сразу, схватил за горло, скрутил дыхание в тугой узел.

Но я не могла ему поддаваться, пока не пойму, где я, где все, что происходит и куда меня унесли. И что с Инсолье!

Там, на поляне, некогда было думать. Хотя бы о том, что люди, которые нас нашли, говорили странные слова. Про то, как Инсолье меня обманул. Про то, что это он виноват в моей слепоте. И про то, что его…

Новый приступ ужаса едва не закончился тем, что меня вывернет наизнанку. Руки запутались в плаще, в который я

все еще была завернута. Я отбросила его с яростью, словно тряпка в чем-то виновата, и попыталась встать с постели. Да, с постели. Значит, меня принесли в какой-то дом. Причем достаточно роскошный дом по местным меркам – перина была слишком, просто отвратительно мягкой. И белье слишком гладким.

Господи, я могу только надеяться, что Хрюша, чью вернувшуюся в русло жизнь я успела почувствовать, сумел как-то помочь и… и… А если нет?!

– Имран! – Дверь распахнулась, в комнату кто-то вошел, точнее, вбежал. И сразу кинулся хватать меня руками. – Имран, ты пришла в себя?

– Очевидно. – Губы онемели, говорить было трудно.

– Наконец-то, я так переживал! Мы думали, уже не очнешься! А когда ты начала задыхаться прямо как этот… ох, неважно!

– Где я?

– Ты в безопасности, в ордене! Теперь тебя никто не тронет!

Судя по голосу, это был тот же молодой мужчина, который отдавал команды там, на поляне. До этого момента я с ним не сталкивалась. И с удовольствием не встретилась бы никогда…

– Что произошло? – Вопросы надо было задавать осторожно. Потому что я – не Имран. И ничего не знаю про орден и про то, что за человек сейчас пытается меня снова укутать

в свой плащ. Кстати, это неприятно. Поэтому чужие руки я отодвинула достаточно решительно, а потом и сама отстранилась.

– Прости! – тут же пошел на попятную мужчина. – Прости, я… я не успел. – В его голосе была настоящая боль. Но во мне сейчас не было даже капельки сочувствия. Только настороженное внимание на грани отчаяния. – Я искал тебя слишком долго и поздно понял, что сделал этот подонок. Не бойся, больше я не позволю…

– Где он? – кажется, это прозвучало резче, чем хотелось бы.

– Он? Филипп? Твой жених сейчас на собрании орде…

– Нет!

– Ты говоришь об этом предателе и лжеце? С ним наконец-то покончено, – быстро отрезал мужчина. И тут же снова залепетал, разговаривая будто с душевнобольной: – Имран, ты не виновата. Ни в чем! И Филипп это тоже понял, он раскаивался перед статуей единого три дня и три ночи, на коленях молил прощения за твою и свою душу.

И никто больше не упрекнет тебя в том, что человек, который наслал черный огненный шторм на братьев, сумел воспользоваться твоей слепотой и притворился кем-то другим. Мы все убедились, насколько искусно может играть роль друга эта тварь! Поверь…

– Подожди. – Я жестом остановила этот поток информации, а потом не выдержала и сжала пальцами виски, чтобы

голова не взорвалась. – Подожди… ты имеешь в виду, что…

– Ох… прости еще раз, я понимаю, какой это для тебя удар. Ты ведь всегда верила людям. Но теперь все позади! Теперь ты сможешь…

– Не смогу. – Мне пришлось опереться на его руку, чтобы спустить ноги с кровати и встать. Я пошатнулась, но удержала равновесие и попыталась двинуться в ту сторону, где слышала открывшуюся дверь. – Я должна идти.

– Но… подожди, куда идти? Имран, тебе не надо никуда уходить, ты вернулась домой!

– Нет. – Я покачала головой и, тщательно подбирая слова, начала говорить: – Я вас не помню. Я вас не знаю. Я не помню ничего. Мне надо уйти, мне здесь не нравится.

Очень надеюсь, что амнезия – хорошее объяснение. Потому что я понятия не имела, что это за человек, смутно догадывалась, чего ему и всем остальным от меня нужно, и совсем не хотела притворяться, что знаю их всех.

– О пресветлый владыка, неужели все зашло настолько далеко! Имран, да подожди ты! Пожалуйста, не надо, сестренка!

– Я не Имран. Вы ошиблись. – Вот, даже ни капельки лжи. Другое дело, что поняли меня совсем иначе, впрочем, я этого ожидала.

– Неужели еще одно проклятие? – перепугался мужчина. – Тварь! Какая же он тварь! Ну ничего, он еще познает все муки мертвого мира! Лично обеспечу.

У меня перехватило дыхание. Но не только от слов незнакомца, а потому, что именно в этот момент я вдруг почувствовала слабый отклик алой нити, той, что связывала меня с «кадавром», как говорил Инсолье.

– Он жив?!

– А? Нет-нет, что ты, сестра. Это я образно. Эта падаль мертвее всех мертвых. Тебе незачем больше о нем думать, Имран!

Я старалась не слушать его, слушала другое. Но все равно внутри все сжалось от страха. Нет, от настоящего ужаса. А потом от Хрюши по алой нити прошло какое-то чувство… от которого мне стало еще хуже.

Потому что это было чувство вины.

Глава 2

Инсолье

Интересно, почему они всегда в первую очередь бьют по морде? Не по ногам, даже не по груди – в хлам разбивают лицо? Причем хорошо так разбивают, ломая челюсть латной перчаткой.

Пришлось даже выплюнуть несколько зубов. Представляю, какой я теперь красавец – призраки и те испугаются.

– А теперь я спрошу еще раз. – Плащеносный ублюдок медленно вытирал платком свои окровавленные кулаки. – Как снять с нее проклятие?

– Умаю, – промямлил я, сплевывая на пол кровь. – Уиц оплелый.

Одно преимущество в этом есть: можно материть их так, что они даже не поймут. Главное – интонацию правильно подобрать.

– Что? Говори нормально!

– Ы ыдиоу! Ы э элюсть ыломал. И убы. Убов не!

– С-скотина! – в ярости рявкнул паладин, а потом меня скрутило такой болью, что я не сдержался и заорал в полный голос, срывая голосовые связки.

А когда оторался, смог-таки открыть заплывшие от синяков глаза и сморгнуть. Даже сломанной челюстью на пробу подвигал и покосился на грязный каменный пол. Ага. Вон мои зубы, точно выбили. А потом вырастили новые, с-с-с… спасибо большое! Точнее, еще не вырастили, теперь ночь, не меньше, будет все дико ныть, пока восстанавливается. Матрицу исцеления он в меня швырнул, падла алая, и обезболить не потрудился, гад.

– Вылейте ему в глотку еще одно лечебное зелье. Еду и воду не давать. Завтра с утра, когда кости срастутся, – продолжим.

– Уот, – тихо произнес я, чтобы хоть как-то отвести душу.

– Ну-ну. Посмотрим, что ты скажешь через пару дней в этих цепях. Я не совершаю одну ошибку дважды, Инсолье. Больше у тебя не будет возможности ударить исподтишка.

Да уж. На этот раз меня законопатили как следует. Одна только эта камера чего стоит – в ней любая темная магия экранируется настолько, что даже высококлассные лечебные зелья работают абы как. В них ведь тоже компоненты… разные. Только дуракам и прочей пастве можно заливать про благодать Пресветлого, а любой настоящий лекарь сразу вам скажет, что не бывает в лечении белой магии без темной. Особенно если это борьба с какими-то заражениями, нагноениями и болезнями. Там же уничтожать требуется, а не выращивать. Светлая магия в таких случаях только ускорит кончину больного.

Шатт! Думать о деле трудно, в голове все равно туман и куча посторонней ерунды. Будто часть разума просто взяли и отрубили. Кандалы, думаю, из того же набора. Еще и весят как десяток обычных.

– И публичной казни можешь не ждать. Хватит, развлеклись. Незачем отвлекать людей от дела разной падалью. Здесь и сдохнешь. Медленно и больно – если продолжишь глупо молчать. Быстро и почти легко, если поумнеешь и скажешь, что сделал с Имран и как снять с нее проклятие.

– А?! – вот это невольно вырвалось. Я действительно обалдел и вытаращился на Паоло так искренне, что тот, похоже, и сам опешил. – Аое покляте?!

– У него вместо костей напольная мозаика, а он все еще лицедействует! Тьфу, темный!

Угу-угу. Я тебе потом этот плевок в глотку лично засуну, светлая мразота. Надеюсь. Если придумаю, как отсюда выбраться.

Главное, как я сюда попал – тоже помню смутно. Меня же повесили. Прямо там, в лесу, как приказал один светлый друг и заместитель, чтоб ему головешку в зад и чтоб тлела несколько часов. А лучше дней.

Так вот, петлю, затянувшуюся на шее, я помню превосходно. Отвратительное ощущение. А потом что было? Ага… Темнота, рев, крики. Звон оружия. Злобное хрюканье. Стоп.

Хрюканье?

Так, что еще помню? Если поднапрячься… ага, мне

под болтающиеся в воздухе ноги кто-то поднырнул, и захлестнувшая горло петля ослабла. Я стоял, кажется, на…

Шаттов кадавр. Это был шаттов кадавр Хрюша. Он выскочил из кустов как демон, весь в крови, с раззявленной клыкастой пастью и нацеленными на моих палачей рогами. Но только и успел, что поднырнуть под меня вместо выбитого обрезка бревна, на который меня поставили перед повешением. И торчал там, поддерживая и не давая повиснуть в петле, отчаянно огрызался на пернатых, не позволяя совам подойти. Но и с виселицы, в смысле, с ветки меня снять не мог. Так и балансировали, пока этот козел заместитель – лучший друг обратно не приперся. Потерял, наверное, своих совят, пришел проверить, чего так задержались, вешать-то недолго.

А дальше он в меня с размаху каким-то светлым заклятием запустил – и все, ничего не помню. Надеюсь только, что кадавр успел сбежать. Полезная оказалась тварь, зря я на него ругался. Увижу в следующий раз – крысу дам. Или, там, овцу. Пусть жрет от пуза. Заодно поведает, как выжил в очередной раз, особенно после освященного против нежити меча. Паоло Сантимора промазать не мог, не тот боец и не зря заместитель капитана. Теоретически там даже рыцарь смерти скопытился бы. А нашей рогатой хрюкве хоть бы хны, еще и огрызался как совсем живой.

– Из-за тебя, мразь, она не помнит ничего!

О, пока я предавался воспоминаниям, меня тут опять взя-

лись вразумлять, оказывается. Заодно и сведений выдали маленько. Вот, значит, в чем дело…

Я не выдержал и заржал. Очень хотелось сказать, что все совы – непроходимые идиоты. Но пришлось сдерживаться. Во-первых, моя сова – умная. Даже если она больше не считает себя моей… А во-вторых, пусть верят в проклятие и в то, что я могу его снять с памяти совы. Это даст мне немного времени.

– Оу-у-у! – Шатт! Ну снова по челюсти! Теперь сапогом! Я так к утру не оклемаюсь! – А-а-а-а!

С-с-с*ка… Сколько у него матриц этих? И все без элемента обезболивания…

Хорошо хоть, с фантазией у младших сов не так богато, как у их командира. Я, конечно, крепкий некромант, боль терпеть умею. Но прекрасно понимаю, что если за меня возьмется профессионал допросов, то могу и несколько часов не выдержать. Сломанная челюсть и выбитые зубы, которые будут с болью восстанавливаться всю ночь за счет и так скудных ресурсов организма, покажутся лишь каплей в этом озере отчаяния.

– Через три дня приедет Филипп. Советую тебе признаться раньше. Тогда у тебя будет шанс сдохнуть быстро и безболезненно. Иначе… думаю, ты догадываешься, что с тобой сделает капитан.

А вот и ответ на мои мысли. Нужно сбежать за три дня. Шатт знает как, но нужно. Если не получится сбежать, при-

дется самоубиться. А мне нельзя. У меня клятва. И слепая пернатая жена. Которая должна посмотреть на меня своими глазами! Даже если в них будет одна только ненависть.

Глава 3

Алла

Вина. Глубокая вина. Больше ничего в чувствах Хрюши я разобрать не смогла, хотя белый котенок у меня за пазухой старательно передавал мне всю гамму эмоций от нашего копытного друга. А потом эти ощущения и вовсе будто переключателем отрубило, и котенок бессильно затих под тканью. Но связь еще чувствовалась, потому мне оставалось надеяться на лучшее.

Паоло, так звали мою «сиделку», хлопотал вокруг как нашедший свое единственное потерянное чадо родитель. Только вот его попытки окружить меня всем мягким и комфортным вызывали чуть ли не тошноту.

Если забота Инсолье, полная насмешек и сарказма, вызывала в груди тепло и другие приятные ощущения, то опека этого человека наполняла чувством сильной неловкости и неудобства.

Забота была искренняя, он правда старался. Беспокоился. Переживал. Видимо, был другом Имран.

Он ужасно торопился рассказать мне, какое случилось страшное недоразумение. И как во всем виновата только од-

на конкретная «темная сволочь».

Я даже не сразу поняла, что темная сволочь – это Инсолье. Инсолье, который, по словам Паоло, пришел в отряд со злыми намерениями и так навредил, что…

Это он выжег мне глаза. И убил еще кучу народу. А потом воспользовался моей слепотой, обманул, снова втерся в доверие, и одному Пресветлому известно, что собирался делать со мной дальше.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что мне хочется вцепиться в воротник говорившего, потрясти его, уверить, что он не прав! Ведь это не Инсолье нашел меня, а я – Инсолье. А это его маниакальное желание вернуть мне глаза? Теперь я, наверное, даже осознала, откуда оно взялось. Некромант понимал, что наделал, и искренне старался это исправить. Чувствовал ответственность за мои глаза? Хотел… не знаю, все вернуть как было? Вот почему у него были те странные интонации – он ведь думал, что Имран, стоит ей прозреть, увидит его лицо и… и что? Вряд ли Инсолье рассчитывал на радостные объятия.

И все равно упрямо волок меня в сторону чуда прозрения.

Ну и о чем тогда твердит мне без конца этот заместитель командира алых братьев?! Лишь здравый смысл и понимание, что паладин мне не поверит, списав еще на какое проклятие, останавливали от того, чтобы наорать на человека и заставить его замолчать.

Но потом я выдохнула. По одной-единственной причине.

Нить. Нить на моей руке, невидимая для других, тонкая фиолетовая ниточка слабо натянулась и несколько раз дернулась. А это значит… это значит, что Паоло не просто так оговорился, пообещав некромантской сволочи все муки ада на земле. Значит, он специально скрывает от меня – Инсолье жив! Пока жив…

Бешеная надежда оплела сердце колючими побегами, впиваясь сразу всеми шипами, отравляя ядом страха – еще жив, а что будет через минуту? Через час, через день?! Мне надо его найти. Мне надо выбраться отсюда и найти его. Мне надо…

– Я понимаю, ты все забыла, он постарался. – Усталый голос Паоло лез в уши. – Или даже не он, допускаю. Просто это был очень сильный удар, сначала его подлая магия, а потом Филипп сошел с ума и вытворил с тобой… Поверь, он очень быстро опомнился, кажется, еще до моего возвращения. И раскаялся сразу же! Имран…

Я вздрогнула, потому что почувствовала, как мужчина вдруг опустился на колени рядом с креслом, в которое меня сам и усадил.

– Имран, прости… я не успел, меня не было в тот день в ордене, я… Прости… – И он уткнулся головой мне в колени.

А потом этот человек, который воспринимался остатками моих нитей как огромная скала, зарыдал. Беззвучно. Поняла я это только по горячим каплям, падающим на тыльную

сторону моей ладони, к которой он прижался лбом.

– Кто мы друг другу? – все же спросила я, чувствуя, как во мне поднимается еще один ураган сумбурных эмоций. Потому что друзья в моем понимании так себя не ведут. Неужели тайный поклонник? А как же тогда тот жених?

– Я твой друг, сестренка. Я – твой брат. Я… люблю тебя! – это вырвалось как-то очень… не по-братски. Но мужчина тут же поправился: – Как сестру, конечно. Поверь! Мы очень давно вместе, ты всегда была для нас всех родной! Прости, прости, что мы позволили этой скотине тебе навредить! Никогда себе не прощу…

– Я прощаю. Перестань, пожалуйста, – главное, сказала вполне от души. Я его прощаю за то, что не успел спасти мою предшественницу, и за то, что ее смерть выдернула меня из моего мира неизвестно куда, но опять во тьму. – Я устала. И хочу есть.

Пусть займется чем-то, не знаю, более приземленным. Мне неприятны его страдания. Особенно такие вот настоящие, искренние.

– И еще мне… душно. Я могу выйти на воздух? Пойти в библиотеку?

– Конечно! Ты вспомнила библиотеку? Имран, ты никогда не изменишься. – В его голосе была грусть и нежность.

Я вздохнула и не стала уточнять, что про орденскую библиотеку узнала от Инсолье, который все время ругался на неподходящие книги, которые там хранятся, и грозил

сжечь все до основания.

– Только, – внезапно осознал Паоло, – как же ты теперь будешь читать? О Пресветлый, ты ведь так любила читать!

– Пока я просто хочу посидеть там, где тихо и спокойно. Там, где раньше я проводила много времени, и мне там, по твоим словам, нравилось. Может, что-то вспомню.

– А я… точно! Я почитаю тебе вслух писания святых! Всегда, когда тебя одолевали темные мысли, ты перечитывала именно их. А вечером к тебе зайдет пастырь. На душе сразу станет легче!

Интересно, что в словах «тихо и спокойно» можно прочесть с точностью до наоборот? Но этот умудрился.

К моему удивлению, уходить Паоло не стал. Он лишь выглянул за дверь и что-то гаркнул в коридор. Так, значит, рядом с моей комнатой охрана? И кого от кого охраняют? Меня от церкви или церковь от меня? Не доверяют? Или… или есть тот, кто может меня украсть?

На последней мысли сердце забилось чаще и в уголках губ невольно спряталась едва заметная улыбка.

– Ох, сестренка, – раздалось сбоку, заставив вздрогнуть от неожиданности. И как такой огромный мужчина может так тихо передвигаться? Я слишком устала, чтобы все время сканировать пространство эхолокацией, нити и вовсе висят обрывками, а тут еще этот. – Ты явно начинаешь вспоминать. И это озаряет мою душу счастьем. Слава Всевышнему. Пойдем, я провожу тебя. Двор перестраивают, здесь теперь

много новых сооружений и людей. Тебе будет трудно найти дорогу.

«Особенно туда, где никогда не была», – мысленно закончила я его монолог. И смирилась. Пусть ведет. Это все равно хоть какая-то информация. Какой-то способ сориентироваться. Мне еще искать свое темное некромантское несчастье. И я понятия не имею где и как, нить не указывает направления, только едва заметно дрожит в такт биению сердца. Но любой, даже самый маленький шаг в сторону цели – это лучше, чем просто сидеть и ждать неизвестно чего.

– Мы можем сначала зайти в трапезную. – Паоло осторожно взял меня под руку. – Ты хотела есть. Или я могу принести тебе чего-нибудь в библиотеку.

Глава 4

Инсолье

Самое отвратное в восстанавливающих заклинаниях то, что работают они за счет твоих собственных резервов. То есть ускоряется метаболизм. В итоге…

– Жрать хочу, – выдохнул я в пространство, зная, что никто меня не услышит. Благо эти ободранные алые петухи хоть ночной горшок оставили: брезгливо им, видите ли, за мной убирать. В антимагической камере никакими заклинаниями не поразбрасываешься, все надо руками. Так и тянуло сделать им подарок прям под входную дверь, но, во-первых, не доставал, а во-вторых, мне ж самому потом больше пинков достанется.

Какую б гадость я себе ни представлял, какую б тошниловку ни вспоминал, а жрать все равно хотелось. И пить. Желательно чего-нибудь горячего, а то камеры в подземельях никто отапливать и не подумает. И пусть в мире лето – глубоко под землей от этого не сильно легче.

Кап.

Как отдельная форма издевательства – где-то совсем рядом то и дело капала вода. По запаху это, скорее всего, был

водосток, но тем не менее звук постоянно напоминал о жажде.

Сколько прошло времени, я с грехом пополам отсчитывал по внутренним ощущениям, а еще по тому, как часто натягивались цепи на руках и ногах. Это у них система такая: когда я в камере один надолго, цепи удлиняются, давая мне возможность лечь или справить нужду. Но как только хоть последний караульный из проштрафившихся адептов приближается к камере ближе, чем на десять шагов – получите, наслаждайтесь. Меня растягивало посреди каменного мешка, как шаттову лягушку на учебном столе: препарируй – не хочу.

Да еще и одежду всю забрали. То есть совсем как лягушка, до мелочей. Не то чтобы я стеснялся наготы, но прекрасно чуял, зачем они это сделали. Потому как висеть голым, голодным и обездвиженным, когда тебя время от времени тычут острым или бьют хлыстом, вдвойне унизительно, неприятно и обостряет чувство беззащитности.

Так вот, после очередного хлыста прошло совсем немного времени, я даже отлежаться и замерзнуть на холодном полу не успел. А меня уже снова потащило цепями в разные стороны. Да так сильно, что я едва не заорал – как на дыбу вздернули.

А потом в камеру вошел он. Собственной персоной.

– Какие знакомые и, как бы греховно это ни звучало, приятные сердцу звуки, – нараспев произнес он, будто читая ста-

рую поэму. Любит эта сволота красоваться.

Я не стал отвечать. Смысла не видел. Все мои проклятья он слышал еще в прошлый раз, а развлекать его праздными разговорами претит уже мне. Пусть это и могло отсрочить пытки еще на какое-то время.

– Где же твое красноречие, брат Инсолье? – Скажите, как, ну как, как Имран не тошнило от этой улыбки? Нет, я видел, как куча баб сразу млеет, глядя на это красивое лицо. Но Имран же другая… как она могла не заметить фальши? Не видеть, сколько там дерьма под фарфоровой маской?

– Язык к горлу присох, да? – Капитан паладинов вытащил из поясной сумки фляжку, открыл и пролил несколько капель на пол.

Глотку свело спазмом.

– Хочешь пить? Я могу помочь, – с таким искренним участием выдал подлец, что пить мне мгновенно расхотелось. Да я скорее сухие камни в пустыне стану лизать, чем выпью что-то из его рук!

– Ну не упрямься. Что ты как маленький? Я пришел поговорить. Причем, заметь, тебе этот разговор нужен больше, чем мне. Или эти остолопы тебя напугали – приедет грозный капитан, сразу замучает до смерти? Брось, ты же не поверил?

Так, здесь что-то не то. Определенно не то. Филипп пьян? Серьезно, пьян? Этот сучий праведник-трезвенник, который назначает любому хлебнувшему что-то, кроме ритуальной водички, по десятку плетей?

– Все просто, мой наивный темный брат. Здесь, кроме нас, больше никого нет. А я устал притворяться. Раз уж ты такая умная и коварная мразь, что сумела дотянуться до высших сановников и сделать половину моей работы, тебя нельзя не зауважать. И могу я хоть ненадолго расслабиться? Особенно для того, чтобы обсудить взаимовыгодное дельце.

И тут этот сволочной капитан «великолепная праведность» просто взял и вылил мне всю фляжку прямо на голову. Или не всю?

– Со м-х-х-х-ной? – прохрипел я, все-таки облизывая губы.

– Тц… – Общипанный филин схватил меня за волосы, запрокинул голову и сунул железо между зубов, вливая чуть горчащую жидкость прямо в горло. Это было слишком неожиданно, к тому же гад еще и резко, хотя и несильно, хлопнул рукой по горлу, и я невольно сглотнул. Шатт!

– Не шипи. Это питательный раствор. Зелья сожрали все твои внутренние запасы, еще немного – и начнутся критические потери мышечной массы. А для моего дела ты нужен относительно живой и в достаточной степени шустрый.

– Великому светлому понадобился некромант? Глубоко же ты скатился…

– Тебе еще и уши промыть? – поморщился Филипп. – А, темный брат? Я ведь сказал уже, точнее, поблагодарил тебя за то, что ты сделал половину моей работы, выжигая все верховное духовенство. Было бы неплохо, чтоб до конца дожег,

но боюсь, если выпустить тебя по такому же сценарию, в столице заподозрят неладное.

– Темный… брат? – До меня вдруг дошло, и я вытаращился на капитана как натуральный совенок. Глупый и неоперившийся, потому как взрослая птица должна смотреть глазами, а не задницей! Он же… темный?! Под этим всем его блестящим оперением бьется темная сила, и надо было вправду ослепнуть, чтобы это не почуять! А я-то считал себя мастером, самым коварным и опытным. В итоге обманулся точно так же, как все светлые олухи!

– О, дошло. – Филипп усмехнулся, и эта усмешка вообще была не похожа на слащавые ослепительные улыбки, какими он одаривал толпу своих поклонников от святости. – Да, ты не ослышался, темный брат. Не один ты спрятался на самом видном месте, под огнем свечи. Просто я умнее. И сдержаннее. И опытнее. И сильнее, чего уж таить. Кстати, там, на площади, ты не смог бы причинить мне вреда, но дал бы возможность оплакать свой отряд и на их костях дать клятву… ну, например, встать во главе отмщения. Точнее, я, конечно, так и сделал, но эффект вышел не тот. Увы, моя дорогая нареченная с ее святым самопожертвованием заметно испакостила весь пафос момента. Настолько, что я всерьез разозлился и тоже потерял над собой контроль. Она увела у меня из-под носа славу единственного выжившего защитника от темного огня! Да я бы на другой день стал одним из верховных иерархов, если бы не ее «подвиг».

Глава 5

Инсолье

М-да. Я знал, что в ордене Пресветлого все не так уж радужно. Знал, что тут господствует кумовство и взятки. Знал, что жертвенные деньги прихожан уходят совсем не на святые дела. Знал о грызне верхушки за власть. Но наличие темного в ордене по борьбе с тьмой, а также размер амбиций алого капитана вышли далеко за пределы моих представлений.

– Ты знал, что я сожгу их всех. Планировал это…

– Если точнее, это был всего лишь один из путей, – кивнул Филипп. Он достал откуда-то из кармана платок и бесцеремонно вытер им мою мокрую физиономию, словно и правда заботливый старший братец.

А я ему пальцы не обкусал по одной-единственной причине: если вцепиться, он перестанет болтать и в лучшем случае даст в зубы. Это больно и неинформативно. Пусть лучше рассказывает, раз на него стих напал пооткровенничать.

– Самый быстрый. В крайнем случае, я всегда мог использовать старый, долгий, но надежный план – стать мужем святой, потом обеспечить себе какое-нибудь божье благословение, через пару лет овдоветь, от горя принять постриг, под-

няться до иерарха и в конце концов все-таки сесть на трон верховного. Но ты так удобно подставился со своей ненавистью. Я просто не мог не воспользоваться подарком судьбы. Единый все же любит меня, хотя и не всегда естественным способом.

Филипп встряхнул платок, заляпанный остатками грязи и засохшей крови. Впрочем, из-за воды, размочившей мою побитую рожу, казалось, что кровь свежая. Темный паладин удовлетворенно хмыкнул и бросил испорченный кусок ткани куда-то за решетку.

– Для антуражу, – пояснил он. – Печенье будешь? Наше, походное, тебе сейчас полезнее любой другой еды. Впрочем, чего я спрашиваю. Открывай рот, если не хочешь, чтобы я тебе рычагом зубы раздвинул и воронку в горло вставил. – Благородный капитан небрежно кивнул в сторону столика в углу, на котором, всегда готовые, были разложены пыточные инструменты.

Я только молча оскалился, но печенье подхватил губами и разгрыз. Что там дальше – неизвестно. А силы пригодятся. Даже если этот действительно хитрый и умный скот рассчитывает меня поиметь – кто сказал, что я не найду способ развернуть все по-своему?

Когда походный концентрат, в который у алых было напихано все самое полезное, кончился и Филипп снова напоил меня из фляги, я мотнул головой и спросил то, что давно хотел:

– Как же я не раскусил тебя, мразь? Ты же темным светишь, аж смотреть больно… или сейчас нарочно суть напоказ выставил? Да вроде нет. Но я-то должен был почуять своего!

– Все просто, мой глупенький брат. Ты засмотрелся на второй слой и на этом остановился. Маска самодовольного подонка, который притворяется праведным капитаном, очень удобна. Обычно даже самые умные глубже нее не заглядывают. И это становится их фатальной ошибкой. Все они думают, что знают мои самые грязные и откровенные секреты. И считают, что мне действительно не наплевать на свой «святой» образ. А потому мрут… как ночные мотыльки в огне.

– И что тебе нужно от меня теперь… удачливый и умный темный брат? – последнее я практически выплюнул.

– То есть ты готов наконец слушать? Отлично.

Спустя полчаса он ушел. А я остался висеть. Все как обычно, даже кнутом, скотина, по спине мне врезал с десяток раз не жалея руки, чтобы правдоподобно. И велел орать погромче. Придурок, шатт его… Конечно, я орал.

Вовсе не потому, что ему так захотелось, просто больно было по-настоящему, гораздо больнее, чем когда за хлыст брался кто-то из адептов! А затем, дерьма кусок, еще и сцедил со спины часть крови, щедро размазав ту по лицу, рукам и пыточным инструментам.

Но благодаря этим воплям всего через несколько минут после ухода господина капитана в темноте снова послышались шаги.

Один из молоденьких адептов зажал нос и, стараясь даже не смотреть на мои «окровавленные» останки, не особо разбираясь, запулил в меня исцеляющим заклятьем.

Я снова от души заорал – больно! Словно разом весь десяток ударов на спину прилетел. А этот ушлепок порылся в карманах и достал пузырек с зельем – им меня вдобавок к заклятьям выпаивали. И сунулся вплотную – зубы мне разжимать. Чуть не за талию обнял, чтобы я не брыкался.

Наивное непуганое дитя. Даже дурак Паоло знал, что прижиматься к некроманту – дрянная затея, не надо так делать. И пусть некромант в цепях, блокирующих саму основу его силы.

Некромант – это ж такая тварь злая и живучая, что без зазрения совести обнесет даже собственного палача. Например, доведет праведного капитана до праведной же ярости и, пока тот будет гневно трясти негодяя за… да за что попало, за цепи вон, изловчится и зубами выдернет из капитанского плаща фибулу.

Хорошую такую фибулу, бронзовую, острую, длинную – почти с ладонь. С совой на навершии, да.

А потом означенный негодяйский некромант специально так забьется в цепях, чтобы, когда капитан будет уходить, одна из них чуть провисла. Ровно настолько, чтобы ту самую

фибулу в кулак спрятать, а теперь взять и воткнуть ее в горло неосмотрительно сунувшемуся почти вплотную юному дураку в сонную артерию. Ну, не воткнуть, так, чуточку, чтобы поцарапать.

Красивая легенда, в общем, вышла. Правдоподобная. А главному творцу этой легенды я потом сам эту фибулу в глотку воткну так же, как он пихнул мне ее в рот. Еще и мерзотно ухмыляясь при этом, шепотом причитая о «коварстве темных» и своей «неуклюжести».

– Снимай цепи. – Голос у меня хрипел натурально как после пыток. Хотя почему как? Орал-то я от души и ни разу не притворно. – Быстро, щенок! Иначе сдохнешь, и я тебя тут же подниму твоей кровью, этого мне даже антимагическими цепями вашими не перекрыть, кровь как проводник будет!

Угу, деградация в нежить для маленьких святых птенчиков страшнее смерти. Придет злобный некромант и поднимет за… за что достанет. И заставит служить. А душа, навеки проклятая нечистыми прикосновениями чуждой силы, никогда не достигнет света.

Тьфу, придурки. Умел бы я управлять душами и их посмертием, да хотя бы «пачкать их прикосновениями», был бы не некромантом, а богом.

Но мне попался хороший придурок. Смелый – он еще и попробовал брыкаться. Но его остановил отчаянный крик. Тц! Правильно Филипп сказал: без Паоло тут не обойтись,

этот козел с крыльями вокруг меня вьется даже больше, чем вокруг своего начальника или святого алтаря. Влюбился, что ли?

Так вот, приперся и орет:

– Серджио, стой! Не дай ему повода! Делай, как он говорит!

Глава 6

Алла

Первые сутки я «отдыхала» и «приходила в себя». Ни в какую библиотеку Паоло меня не пустил, но зато притащил прямо в спальню несколько монументальных книг. Каждая размером с полменя. А потом встал у изножья моей кровати и стал их декламировать. Угу, не читать. Декламировать. Получилось что-то среднее между докладчиком на каком-нибудь жутко скучном собрании и пастором в церкви.

Зато я узнала, как называется этот мир. Колыбель. Местные просто и без стеснения называли свой мир Колыбелью Жизни. И вот, значит, есть в этой колыбели плохие и хорошие. То бишь живые боги, что даруют процветание, рождение и прочие благости. И мертвые боги, что все это отбирают. Типичная борьба осла с козлом, как и везде.

Увы, какая-то действительно ценная информация на этом и закончилась. Жития всяких святых навевали лишь тоску. Даже саркастичные комментарии и те приходилось через силу сдерживать, чтобы не выходить из образа.

В общем, от сказок Паоло я еле отделалась. Может быть, он и неплохой человек. Мужчина очень искренне и душевно

переживал за меня. А еще было понятно, что он настоящий друг, который за свою «сестренку» горы свернет. И вот это все, вплоть до бессмысленного сидения рядом со мной у кровати и пересказывания детских воспоминаний. Возможно, если бы несколько месяцев назад меня в этом мире встретил он, а не таинственный жених, жизнь сложилась бы совсем по-другому.

Но теперь все это перекрывалось для меня одним-единственным поступком: он причинил вред Инсолье. Он приказал его повесить! И он воткнул свой меч прямо в Хрюшу. Чуть не убил ни в чем не повинное животное.

Не знаю, почему у него не вышло сделать то же самое с Инсолье. Но вряд ли Паоло пощадил врага по собственной воле. Мое чудовище живо, я его чувствую на том конце нити. По ней же время от времени прилетают отблески боли. И эта боль подозрительно совпадает по времени с теми моментами, когда заместитель капитана алых сов куда-то уходит, прекращая долбить мне мозг своей заботой.

И с каждым отблеском боли я только все сильнее проникалась неприязнью к этому «святому» человеку. Потому что наши с Инсолье разборки о том, кто кого покалечил, как обманул и куда вел, – это наши разборки. Наши проблемы. Посторонние советы, тем более вмешательства, мне вовсе не нужны.

Поэтому, наверное, Паоло с его заботой вызывал во мне только глухое раздражение, которое было трудно скрыть. Да,

с каждой минутой все труднее.

Он мешал буквально каждую секунду, пока был рядом. Шумел, шуршал, читал жития, магичил что-то. То есть не давал мне осмотреться, ощупать пространство эхолокацией. А нити, которые и так были в плачевном состоянии, я выпускать опасалась.

Мне еще надо найти и спасти Инсолье. Начну смотреть свои мультики прямо тут, в ордене, а меня за руку поймают. И хорошо, если просто сразу на костер… в смысле, ничего хорошего, конечно. Но в любом случае если заподозрят в странном – не дадут возможности хоть как-то помочь тому, кому моя помощь необходима как жизнь.

Только два дня спустя мне удалось вырваться из-под плотной опеки. Я додумалась наконец продемонстрировать Паоло свой новый способ чтения старинных рукописей и фолиантов. Буквально продемонстрировала: взяла его за руку и водила его пальцем по строчке, чтобы он ощутил разницу между чистой бумагой и шероховатыми от местных чернил буквами.

Только тогда мне удалось простучаться сквозь его деятельное сочувствие, заявить о праве на самостоятельность и добраться до библиотеки в одиночестве.

Сидеть там безвылазно я, конечно, не собиралась. И первым делом выпустила на волю котенка, которого все время прятала, только уже не за пазухой, а во внутреннем кармане довольно широкой алой юбки, целый ворох которых мне

принесли еще в первый день.

Кошечка убежала с заданием разведать, где тут черный ход и как далеко от него до темниц. Ведь наверняка Инсолье держат именно в здешних застенках.

Малышку отпускать сильно не хотелось, ведь пушистый комочек был единственным, что последнее время скрашивало мою жизнь. Да и страшно было, чего уж там. Заметят… убьют. В этом мире кошек почему-то совсем не любили.

Даже пришлось узнать у Паоло о судьбе пушистых в церкви. Паладин приободрился, услышав от меня вопрос о котятах. И принес мне большого, пушистого и очень флегматичного кота. Раскормленного до безобразия, как не каждый поросенок.

Оказывается, это был один из питомцев самой Имран, и их у нее даже было несколько. Но после изгнания девушки кошки разбежались, остался только этот. Видимо, такой колобок просто физически не смог никуда укатиться. И сейчас лишь изредка басовито мяукал у меня на руках.

Ну, кота я погладила, послушала его громкое мурлыканье. Сказала спасибо. И поспешила в библиотеку. Слава всем местным богам, живым и мертвым, Паоло потащил питомца прежней хозяйки тела куда-то в трапезную, где этот кот состоял на жалованье в качестве мышелова, и от меня временно отвязался.

Так что я уселась в самом дальнем углу библиотеки одна и принялась осторожно продвигаться по фиолетовой нити

сознанием в надежде понять, что же случилось с моим мужчиной. Заодно ждала свою разведчицу и внимательно слушала, о чем говорят то и дело шныряющие между стеллажами юные адепты ордена.

На входе, как и в обычных наших городских хранилищах знаний, сидел библиотекарь. Первые минут двадцать он очень скептически смотрел на мои попытки что-то прочитать с закрытыми повязкой глазами, но потом потерял интерес к этому занятию.

Тем более в его епархию пожаловала целая толпа совсем юных… хм… совят. Молодое поколение адептов подняло невероятный гвалт и принялось по описи сдавать пришедшему в ужас от их количества и шума книжному червю свитки.

И один из них буквально заставил меня встать в стойку настороженного суриката. Свиток перемещения…

Неиспользованный свиток перемещения, выданный старосте подразделения «первокурсников» перед каким-то практическим занятием. Видимо, в качестве подстраховки и крайней меры.

Потому что трясся библиотекарь над этим рулончиком бумаги так, будто это местное священное писание. И как любой порядочный работник пыльных полок, еще и успел пожурить ребят за какие-то незначительные лишние потертости и грязь. Выпинал молодежь, пристроил драгоценный свиток на своем столе. И занялся другими делами.

М-да. Все же в ордене не привыкли к обычным людям.

Тут все свои. А меня даже совесть не мучила, когда я совсем не по-святому дождалась, пока библиотекарь отойдет за стеллажи, чтобы притащить оттуда очередную пачку учебников для следующей волны адептов. Дождалась и пересела поближе к его конторке. Подождав немного, сделала вид, словно на ощупь ищу книгу, которую случайно положила не на тот стол, и нагло свистнула этот самый свиток, сразу же спрятав его глубоко в складки юбки.

Не зря же я так напряженно вслушивалась в пространство, чтобы точно ощутить, на какой угол стола положили нужную мне вещь и как конкретно она должна шуршать в руках.

Так что я не ошиблась.

Не знаю, как и когда я смогу передать эту бумажку Инсолье… но я постараюсь!

Глава 7

Алла

Шумные адепты первого года обучения рассосались, но перед этим почти съели библиотекаря. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление: голос пожилого мужчины сел в тщетных попытках перекричать эту ораву и призвать к тишине. Шаги стали тяжелыми и шаркающими, движения – медленными и неточными. Он пару раз уронил книги со стола и даже не обратил внимания на то, что кое-какой свиток оттуда пропал.

– Мяу, – едва слышно раздалось откуда-то из-за дальних полок. Трудно расслышать даже для меня, что уж говорить про остальное окружение.

– Вовремя, малышка, – прошептала я буквально одними губами, подхватывая котенка и пряча все в том же подоле. Кошечка послушно зацепилась ноготочками за нужные складки, вскарабкалась и нырнула в потайной карман. Вообще, как я поняла, мне принесли мои же прежние платья. Из этого следовал любопытный вывод: у настоящей святой были либо интересные вкусы в одежде, либо какие-то тайны.

Иначе почему у нее в каждой юбке по дюжине потайных

карманов и даже крепления для оружия? Хотя она же ходила с отрядом своих братьев на охоту… так что это, наверное, нормально.

– Что-то слегка притомилась, брат по ордену, потому пойду в свою келью, – обратилась я к библиотекарю, показательно ведя рукой вдоль стены и стеллажей, как обычные слепые.

– Угу, – устало оторвался от своих дел мужчина в возрасте. – Сейчас, подожди немного, позову твоего… сопровождающего. – Почему-то последнее слово прозвучало как-то неуверенно. Все-таки что-то с моим названым братом было не так. И это понимала не только я.

– Нет необходимости. – Я постаралась улыбнуться так, чтобы передать усталую доброжелательность – ровно то ощущение, которое шло от самого пожилого мужчины. Люди часто не замечают, как они падки на собственное отражение в другом человеке. Но это всегда работает. – Вы и так слишком заняты. Столько дел. А мне нужно учиться самостоятельности, не вечно же полагаться на помощь братьев.

– Спасибо, сестра. – В голосе библиотекаря было и облегчение, и благодарность. – Пресветлый с тобой.

Со мной так со мной. Этот Пресветлый как минимум не трындит без остановки, как друг Паоло. Так что я предпочту его общество любому другому. Во всяком случае, пока не найду Инсолье.

Как только я «нетвердой» походкой покинула обитель знаний, медленно, по стеночке, то сразу постаралась использо-

вать слух на максимум. Нити мне сейчас не помощники, тем более я все еще боялась, что их заметят. Если со мной сейчас никого нет – надо пользоваться. Котенька передала те обрывки образов, что смогли уместиться в маленькой звериной голове. Благодаря этому я знала две вещи: темницы расположены в глубине двора, за углом большого кирпичного здания самой библиотеки. И там сейчас что-то происходит: люди шумят, бегают и суетятся.

Что-то подсказывало мне, что все это неспроста и тонкая фиолетовая нить в моей душе не просто так трепещет все ощутимее. Будто бы тот, кто привязан на другом ее конце, вдруг стал ближе. А еще ему… больно.

Без нитей я была наполовину слепа, но эти ощущения… интуиция будто вопила: надо бежать туда. И в то же время как будто уговаривала этого не делать!

– Веди! – все-таки решилась я, выпуская котенка на камень, какими был вымощен весь двор.

Мы рисковали. Ужасно рисковали. Впрочем, даже если мы встретим кого-то на своем пути, я просто совру, что ловлю маленький пушистый комочек. Если у Имран раньше были кошки, вопреки всем местным предрассудкам, значит, она их сильно любила. Главное, чтобы не стали присматриваться к необычной природе зверька.

Котейка непонятным мне образом зацепилась за нашу с Инсолье нить и рванула вперед, но не как указатель пути – нить привела бы и без нее, – а, скорее, как сторожевой клу-

бочек. Она ловко скользила у самой мостовой и тихим писком предупреждала о том, что навстречу кто-то идет.

Таким образом мне удалось избежать встречи с парой молодых адептов, проскакавших на всех парах. С какой-то причитающей женщиной, от которой пахло стиркой. И с драгоценным другом Паоло – он пронесся мимо как бешеный, а через полминуты, не успела я пройти еще пары десятков шагов, уже бежал обратно. И звенел на бегу каким-то оружием.

– Прочь, сволочи, если не хотите, чтобы я сжег ваш поганый орден, замешав пламя на крови и смерти этого мальчишки!

На секунду я застыла. Это был голос Инсолье. Хриплый, сорванный, но его.

– Лошадь мне! А лучше – телепорт!

Да ладно, как я вовремя! И у меня даже есть то, что требует преступник. Вот после этого не говорите, что не существует судьбоносных встреч.

– Отпусти ребенка! – Я подхватила котейку в карман и не стала орать, все равно в общем гвалте меня бы не услышали. Просто пробралась сквозь сомкнутые ряды зевак и адептов прямо туда, где на свободном пространстве ощущался мой мужчина, и встала прямо перед ним. Теперь можно выпустить нити, вряд ли в таком дурдоме кто-то что-то заметит. – Лучше возьми в заложники меня, темный!

– Э? – Кажется, недоумевающий звук раздался не только

со стороны моего темного, но и со стороны орденских. А еще где-то в стороне и позади я услышала смачный шлепок ладони о лицо. Интересно, кто такой оригинальный с фейспалмом.

Но все это не помешало мне буквально броситься в родные объятия. Вернее, «спасти бедного юного адепта» и втиснуться в руки Инсолье самой.

Вообще-то я мальчишку весьма невежливо и отнюдь не нежно выдернула из некромантских клешней. Потому что нечего. Мне здесь самой едва места хватает.

Инсолье, слава всем местным богам, с растерянностью справился быстро и схватил меня не менее крепко, чем прежде держал адепта. Я почувствовала, как в шею впилось что-то острое. Ага, это он так заложника взял. Молодец, что и сейчас не теряет бдительности.

– Я не знаю, как его активировать, – быстрый горячечный шепот не улетел дальше полутора шагов. – Давай ты! Ты же знаешь?

Скрученная в трубочку бумага ткнулась прямо в живот некроманта, когда я завела руку со свитком за спину.

– Отпусти ее, отродье мрака. – Перед всей толпой, что клубилась вокруг нас, как рой пчел вокруг улья, вышел мужчина с сильным глубоким голосом. Так, кажется, я его уже где-то слышала. Горе-жених? А я ведь даже лица его ни разу не пощупала.

– Ага, щаз-з-з! – хрипло и ехидно отозвалось «отродье»

и смачно плюнуло на камни двора.

А потом Инсолье, умница моя, без лишних вопросов и переговоров активировал телепорт из свитка, просто переломив туго скрученную бумажную трубочку пополам.

Глава 8

Инсолье

Ноги подкашивались, в ушах звенело, обморочная мгла назойливо ползла по краю зрения, подстерегая момент, чтобы наброситься и вырубить. Вдобавок дико болела исхлестанная спина и чуть пониже. Филипп, падла, извращенец. До него ни одному палачу до моей задницы дела не было, а этот… Вдобавок никакие зелья так быстро не действовали, а бежать надо было именно сейчас!

Еще бы, столько дней над телом издеваться, оно молодец, что на ногах стоит и юного адепта за горло держит. Хотя скорее я на нем вишу, заодно используя как живой костыль. Лезвие к горлу, впрочем, это приставлять не мешает.

Цепи антимагические этот самый адептенок с меня и снял. По приказу собственного командира, которому я, конечно, запретил приближаться.

От Паоло любой гадости можно ждать, так что на фиг его, сволоча. А пацан и сам неплохо справился, хотя рожи при этом корчил – умереть не встать. Или встать, но уже не своей волей.

И вот теперь я торчал посреди небольшой тренировоч-

ной площадки и орал как придурок про лошадь в обмен на жизнь. Никогда б на такую дурость не пошел, если б не встретился взглядом с Филиппом. Он, конечно, незаметно для других снисходительно закатил на мои дурные попытки глаза, но пальцами дернул и медленно моргнул. Мол, продолжай этот цирк, сейчас все устроим, должен будешь.

И вот тут произошло нечто, чего вообще никто не ожидал. А я меньше всех.

Сквозь толпу протиснулась до боли знакомая ярко-алая тень с повязкой на глазах. И ладно бы плюнула в мою сторону или еще какую гадость сказала.

Нет, сумасшедшая святая сволочь буквально втиснулась мне в руки, ревниво вытолкнув из объятий молодого адепта.

Тут не то что я очешуел – выпали в осадок все братья. А Филипп и вовсе не выдержал, приложил белой перчаткой по своей зажравшейся морде. Главное, вполне в духе совы… и вообще поперек задумки побега!

Отомстила так отомстила, нечего сказать. И что теперь делать?

Словно в ответ на этот вопрос Имран завела руку за спину и ткнула мне в голое пузо какой-то палочкой. Нет, не палочкой! Свернутой в трубочку бумагой. Свитком. Свитком портала. Сволочь святая, ты… как… откуда?! И главное – зачем?!

Ладно, я, может быть, идиот. Но не настолько, чтобы не воспользоваться предоставленной возможностью. А уж

если эта возможность поперек желаний хитрожопого карьериста от святости… да еще б я стал ворон считать!

Свою сову схватил поперек живота и переломил портал. Там разберемся, что, и как, и зачем. Если есть возможность уволочь ее с собой – я точно отказываться не стану! Это моя сова! Я все равно собирался за ней вернуться.

Заклинание перемещения привычно дернуло нас где-то в районе загривка и потащило сквозь узкий туннель по заданным координатам.

Очень удачно, что я знал, куда ведут эти свитки. А еще знал, как их можно в кратчайшие сроки перенаправить. Ведь это был один из самых легких способов сбежать из храма, который я прорабатывал еще будучи паладином.

Жаль только, что такие вот свитки далеко утянуть не смогут даже одного человека. А уж двоих перенесут не более чем на пять тысяч шагов. Для экстренного спасения – отличная вещь, но для побега от церкви не сильно эффективная. Все, что теперь им нужно, – прочесать этот пятикилометровый радиус, что при наличии кучи народа не такое уж тяжелое дело. Только вот я изначально поступил хитрее.

– Мы в библиотеке, что ли? – не поняла Имран и принялась крутить головой, будто пытаясь осмотреться. Потом даже воздух рукой пощупала, вычерчивая пальцами странные фигуры.

– Угу, точнее, на верхнем этаже с заклинаниями, уф. – Я тяжело оперся о стену, не способный больше держаться

прямо. – Тут находятся самые сильные свитки. Но и защита тоже… самая сильная. У нас минуты полторы, не больше. Сейчас я…

Но встать не успел. Сам, в смысле. Сова шагнула вплотную и вцепилась в меня обеими руками. Куда достала, туда и вцепилась, ввергнув меня в очередной легкий шок – для тяжелого просто не осталось сил. А так-то я меньше всего ожидал, что святая сволочь станет меня за задницу хватать обеими руками.

Впрочем, она быстро переместила свои крылышки так, чтобы просто поддерживать меня и не давать свалиться. А еще сказала какое-то интересное слово, когда почувствовала пальцами рубцы от хлыста.

Слово я не понял, но по интонации угадал ругательство. С ума сойти. Что они с моей совой делали, пока я был в пыточной?! Она же никогда не ругалась…

– Куда? Куда тебя подвести, чтобы ты взял то, что нам нужно?

– Чуть правее такой большой стеллаж. Только аккуратно, я скажу, на какие плиты наступать, тут везде ловушки.

– Я вижу, да. В них заклинания. Только не понимаю какие, все разные.

– Ты… что делаешь?

– Давай потом. Что брать?

Я медленно поднял голову на украшенный золотыми завитками стеллаж.

– Третья полка снизу, три штуки с самого края. И на всякий случай приготовься, может сработать сигнальная нить. Заорет так, что уши завянут. Но по-другому никак, снять или обойти ее в нашем плачевном состоянии проблематично.

– Не заорет. – Я опять глазам своим не поверил, потому что сова никуда не пошла и ничего не стала брать руками. Зато в воздухе медленно проявилась моя собственная нить, которая, словно хорошо выдрессированное щупальце, проплыла над всеми ловушками, лихо скользнула между сторожевыми плетениями и шустро принялась опутывать внутри полки все, до чего дотянулась. И так же ловко, по одному, выволокла мимо сторожков всю добычу наружу.

– Хватит? – напряженным голосом уточнила сова, и я тут только понял, что она от этого напряжения побелела почти в синеву. Очень хотелось заорать: «Как ты это делаешь?!» Но пришлось оставить разборки до другого раза.

– Хватит, – только и сказал я, сразу ломая первый свиток перемещения, какой до нас доплыл. И вот мы уже в десяти тысячах шагов от церкви. Не успела сова опомниться, как я сразу активировал второй. Затем третий. – Все. Сутки у нас в кармане.

Хорошо, что в голове на случай побега всегда, еще со времен собственного совиного прошлого, хранилась цепочка координат для перемещения. Чтобы из стороны в сторону попрыгать и спутать направление. Так-то его сразу по порта-

лу очень сложно отследить, а если портал тройной – вовсе невозможно.

Теперь можно упасть и…

Стоп! Нельзя падать! У меня тут сова и полные непонятки!

Что это было вообще?

Но спросить об этом я не успел, потому что колени окончательно подломились, и мы оба начали валиться куда-то в траву. У совы, кажется, тоже не осталось сил…

Ага. Стоять и держать меня у нее сил не осталось. А вот упасть рядом и поцеловать так, что у меня моментально в голове взорвался этот шаттов мир, – еще как хватило!

Глава 9

Алла

– Это значит, я прощен, что ли? – буркнул Инсолье куда-то в пространство. Точнее, куда-то мне в шею, которую он увлеченно целовал последние пару минут. На большее у него сил не хватало. Да и у меня тоже.

– За что прощен? – Кажется, я охрипла. То ли от нервного напряжения, то ли оттого, что в последние полчаса до предела напрягала свою магию и тело, не знаю. Но голос сел.

– Разве тебе не рассказали, как злобный черный некромант сжег все, что тебе было так дорого? Как мерзко обманул тебя и твое доверие?

Я вздохнула. Отстранилась и накрыла его губы рукой. Пусть помолчит. А то мне слишком не по себе.

Потому что мне многое рассказали, да. В том числе и о том, как страшный некромантский предатель еще тогда, до разоблачения, смотрел на святую. И что выжег всех, кроме нее. И если бы она сама не сунулась под удар, закрывая собой братьев, вообще не пострадала бы.

В общем, все понятно. Черный маг влюбился в Имран. Ту, прежнюю, настоящую святую. И все, что было потом, было

не для меня – для нее. В том числе и его обман.

– О, ты не поверила, что ли? – по-своему понял мой жест Инсолье. – Так я тебе сам скажу. Это чистая правда. Я тебя обманул, да. Но может, ты послушаешь, почему я это сделал?

– Послушаю. Потом. – Я вдохнула немного воздуха сжатым горлом. – Сначала ты послушай, пожалуйста. Только не перебивай, потому что мне и так очень страшно признаваться.

– Хм? – Вот тут в его голосе проскользнуло настоящее удивление. – Ну… ладно, начинай. Вряд ли ты меня хоть чем-то напугаешь. Если только не признаешься в своей искренней любви к Филиппу и не попросишь создать гарем.

– Я не Имран.

– Угу, ты потеряла память. Возможно, потому и не ощущаешь себя святой. – В голосе мужчины проскользнула неуверенность пополам с толикой радости.

– Я ничего не теряла. Вся моя память при мне в полной сохранности, а святости во мне отродясь не было. Но я – не она. Понимаешь? Я не та девушка, в которую ты влюбился и которую захотел уберечь от огня на площади.

– Я был в кого-то влюблен? – после долгой паузы уточнил Инсолье. – Что ты вообще несешь? Перегрелась? Перенапряглась? Опоили чем-то, сволочи пернатые?

И полез щупать мне лоб.

Я отстранилась и перехватила его ладонь. Упрямо закусила губу, потом еще раз вдохнула-выдохнула.

– Послушай, пожалуйста, внимательно. Имран умерла. Скорее всего, еще там, на площади, где тебя хотели казнить. Это ее тело, но я – не она.

– Ну и хрен с ней, – выдал Инсолье злым голосом. – Ты же здесь. А влюбился я именно в тебя. В тебя, поняла?! Ту блаженную идиотку разве что помучить подольше хотелось, чтоб умерла, не чувствуя себя святой невинностью, и поняла, что своим дебилизмом разрушила как минимум половину собственного цветочного мирка. Плевать мне, куда и как она делась, понятно?! – Он распалялся все больше, забыл про слабость, схватил меня обеими руками за плечи и даже встряхнул несколько раз. – Плевать, откуда ты взялась! Ты – моя жена! Это понятно?! Я потом разберусь, каким богам, мертвым или живым, воздать хвалу или там жертву принести в благодарность за то, что мне подсунули нормальную бабу вместо чокнутой дуры! А сейчас ты мне объясни… почему вдруг ты веришь мне, а не им? Они ведь правду сказали. Я некромант, предатель и убийца. Я причиняю вред куда достану, и вот это все!

Меня вдруг разобрал нервный смех.

– Да… а они причиняют пользу и добро тоже везде… где не надо! Спасибо, мне трех дней хватило, чтобы оценить. Ты дурак?! С какой стати я буду верить каким-то незнакомым людям, пусть они трижды братья прежней Имран? Особенно после того, что они с ней сотворили? Если уж сравнивать, именно ты как раз ничего плохого мне ни разу не сделал!

Только хорошее…

– Ты ненормальная. Я сжег твои глаза!

– Мои глаза сгорели при пожаре, когда мне было одиннадцать лет. Тебя там даже близко не было. – Все, голос сорвался с нервного смеха на всхлипы, я плотнее прижалась к Инсолье и попыталась унять крупную дрожь.

– Так… совсем другой человек, да? – с сомнением в голосе произнес он. – С иной историей жизни? Ты не Имран?

– Нет. Меня зовут Алла.

– Элле… – попытался выговорить он, и я в очередной раз ощутила, что здешний язык, на котором мы разговариваем, вообще не похож на русский. И мое собственное имя на нем произносится по-другому. И это осознание ударило реальностью сильнее, чем все, что случилось со мной раньше, я как бы до конца поняла, что да! Я здесь. Все по-настоящему.

– У нас есть пара часов на восстановление. Расскажи, – после долгой паузы все-таки произнес Инсолье, зачем-то крепко цепляясь рукой за мое запястье. Будто боялся, что я убегу.

– Расскажу, – согласилась я, вцепляясь в ответ не менее крепко. – Но ты сам сказал про два часа. А еще раньше говорил про сутки. Значит, мы все успеем.

– Что успеем?!

– Все.

И больше не стала ждать, потянулась навстречу, обхватила его затылок ладонью и впилась в его губы, точно голодный вампир. Мне просто необходим был этот поцелуй, что-

бы не сойти с ума.

А потом стало понятно, что одного поцелуя мало.

– М-м-м… Н-н-не то чтобы я был сильно против, – прохрипел Инсолье, когда мои руки скользнули по обнаженному торсу вниз. – Т-только вот, во-первых, не уверен, что доживу до кульминации. А во-вторых, все еще хочу вылечить и посмотреть в твои… ох… бесстыжие глаза.

– Заткнись и целуйся! Если не хочешь, чтобы я тебя изнасиловала.

– Дожили… меня насилует святая дева. Кому расскажешь, не поверят.

Но он все же послушался. И я дала волю собственным желаниям, больше ни в чем не сомневаясь и ни о чем не думая. Вот он, рядом. Теплый, живой. Замученный только, да. Гады инквизиторские, это называется «причинять добро»?! Будь моя воля…

Кажется, я все это бормотала вслух, пока целовала губы, подбородок, шею, грудь…

– Эм-м-м… по-погоди, ты же не собираешься?!.. – Инсолье охнул с почти настоящим испугом, переходящим в легкую панику.

– Просто помолчи, ладно? – сквозь напряженное прерывистое дыхание попросила я, спускаясь поцелуями еще ниже и прокладывая влажную дорожку от ключиц к животу.

За одно могу сказать спасибо алым. Они его раздели для меня. И лишили сил сопротивляться. За это же самое я

их ненавижу, но ненависть – это потом. Потом!

Глава 10

Инсолье

– Напомни мне, кем ты там была до Имран? – Я лежал, ошеломленный, на мокрой от недавнего дождя траве и медленно приходил в себя от чересчур ярких и волнительных впечатлений. Это ж надо… вот так вот. Святая – и ртом. Прям туда. Да даже мне самому стыдно стало, но… все мертвые боги, как же приятно. Разве что в дурной голове сразу зародились подозрения: а собственно, где моя сова такому научилась? Неужели бордель? Никакого другого места, где учат таким извращениям, я бы даже не придумал. Но нет, для бордельной девки Имран, нет, Элле слишком хорошо воспитана. Значит, такое практикуют при дворе? Ну да, скучающие на балах аристократы идут на многое. И кем тогда была моя дурная святая?

– Учительницей музыки.

– Кем?! Кха… только не говори, что учила играть на флейте, – насторожился я. Нет, против шлю… бордельных я особо никаких претензий не имел. Девчонки в ту канитель редко когда по доброй воле впрягаются. И даже наша недавняя история с любительницей удушения не сильно повлияла на мое

восприятие. С ума просто так не сходят.

Но одно лишь понимание, что кто-то когда-то с моей совой вот так вот развлекался, поднимало во мне давно уже притихшую было волну ненависти. Плевать, что это было в какой-то иной жизни. Плевать! Я разыщу их души в кольце перерождения и просто сотру в порошок. Я воскрешу их разум в самых низших червях и брошу в самую вонючую и большую сливную яму!

– На флейте тоже умею, но учила не этому. – Она усмехнулась, чуть поерзала и закинула на меня ногу, притираясь плотнее, хотя куда уж. – Не выдумывай всяких неприличностей. Я учила детей в музыкальной школе. У меня очень хороший слух и ловкие пальцы. Слепота обостряет другие чувства, так что было нетрудно. А еще я работала волонтером в хосписе.

– Э-э-э…

– Ухаживала за больными и умирающими в бесплатной лечебнице, – послушно перевела она. – Еще помогала освоиться тем, кто недавно потерял зрение. И немного подрабатывала в приюте для животных.

– То есть ты еще большая святая сволочь, чем прежняя Имран, – после долгой паузы озвучил я напрашивающийся вывод.

– Сам такой. – Она совершенно не стеснялась ни меня, ни своего странного рассказа, ни того, что творила со мной вот всего пять минут назад. – Хотя насчет сволочи я спорить

не буду, тут мы с тобой немного одинаковые. Но святой я не была никогда. И не буду.

– Так где ты научилась такому блуду? – вроде как между делом спросил я. Спокойно и уравновешенно настолько, насколько вообще мог. Для стабилизации сознания представляя кишки Филиппа, фигурно развешанные на церковной люстре. Действительно успокаивающие мысли.

– Я твоя жена, – напомнила она и… укусила меня за ухо! – Что бы между нами ни случилось, блудом оно быть не может. А научилась дома. Я старше, чем это тело, хотя и не намного.

– У тебя был муж? – Кишки Филиппа и всего ордена для обрамления светильников. И красивый костер из священных книг посредине алтаря.

– Был, – легко согласилась она. – Бросил меня, когда наигрался в слепую жену. Впрочем, я не в обиде – я его по-настоящему не любила, оказывается. Я только теперь поняла…

– Хочешь, мы его призовем? Я надеюсь, он уже умер, да? Погиб от болезни и старости в страшных муках? – с надеждой спросил я.

– Да зачем он тут нужен? – Она искренне изумилась. – Нет, с чего бы ему умирать. Женился второй раз, детей завел, все у него хорошо. И пусть дальше так будет, нам-то какое дело? Я даже почти не помню его запах и каким было его лицо под пальцами.

– Жаль, – искренне ответил я, – что не умер. Искать его сейчас у нас нет времени. Легче было бы призвать.

– А, так это ревность? – сообразила святая сволочь и засмеялась. А меня накрыло такой волной щемящей нежности, что я в ней едва не захлебнулся и обреченно понял: все. Конец. Пропал.

– Вот ты все же святая. Сволочь. Самая натуральная, – посетовал я, на ощупь находя рядом плащ, в который укутался еще там, в темнице, ободрав его с заложника. Кроме плаща, на мне ничего не было, но хоть так задницу прикрыть. – Больных лечила, детей учила, кошек подбирала…

– Легко быть доброй, когда ты сыта и тебе больше нечем заняться. – Элле стала серьезной. – Это ровно такой же эгоизм, как любой другой. Я хотела себя хоть чем-то занять, хотела получить моральное удовлетворение от своих дел, и я его получала. А детей и вовсе учила за деньги. Это слишком по-человечески, знаешь ли, и совсем ничего общего не имеет со святостью.

– Живые боги просто так души в чужие тела не засовывают, так что не оправдывайся. Особенно после того, как с какого-то перепуга спасла меня – бандита, убийцу и черного мага в одном флаконе. Протянуть руку помощи подобному отбросу могла лишь глупая неоперившаяся святая, – сказал я, медленно вставая и чувствуя, как в очередной раз лопается кровавая корочка на спине. Зелья зельями, а отходил шаттов хмырь меня знатно, заживать будет минимум пару дней.

– Можешь помочь – помоги. – Она пожала плечами, под-

нимаясь следом и поддерживая меня. – Есть шанс, что и тебе помогут когда-нибудь. Это тоже не святость, это практичность с прицелом на будущее. Еще скажи, что я не получила выгоды от своей доброты. – Она потянулась к моим губам, и, конечно, конечно, я не мог не ответить. Дурак, а? Но мне голову сносит от нее, ничего не могу поделать…

– Я так испугалась. – Она прервала глубокий поцелуй и теперь быстро и коротко касалась меня губами, дышала прерывисто, словно вот-вот заплачет. – Мне никогда в жизни не было так страшно. Даже там, на площади, где я впервые осознала себя в этом теле. Даже на костре! Я думала, что потеряла тебя… Никогда не смей исчезать, слышишь? Никогда! Я тебя найду даже в другом мире, я тебя не отпущу…

– Вообще-то, это мои слова. – Меня шатало, как былинку ветром, от этого ее тихого бормотания, но я держался из последних сил. – Ну да ладно. Теперь ты хотя бы понимаешь, как болела моя голова и… – У меня аж голос просел от непривычного признания, но все же я добавил: – И сердце, когда ты вляпывалась в очередную дурную авантюру, рискуя спалить себе распущенный ради «справедливостей» хвост.

– Кто бы говорил. – Она все же всхлипнула и обняла меня еще крепче. И вдруг замерла, как окаменела. Я не успел испугаться, когда моя святая сволочь вдруг выругалась так грязно, что впору самому Пресветлого поминать.

– Как они посмели! – Элле шипела лучше настоящей змеи. Я понял, что она таки нащупала рубцы на спине. – Ско-

ты… твари. Так, дай сюда, пожалуйста, плащ. И я сейчас… вот, ложись, давай я помогу.

– Ты что делаешь? – Логика последних событий окончательно помахала мне ручкой, когда эта ненормальная вдруг начала стаскивать с себя юбку. Нет, я… не против так-то, но…

– Я же собиралась украсть тебя и бежать. К тому же малышку надо было лучше прятать, а в пышных складках много места.

Под одной алой юбкой оказалась другая, точно такая же.

Так вот почему мне казалось, что сова вроде как чуточку поправилась. Мер на десять. Ага, как же, рано обрадовался. Она не поправилась, она орден обворовала! Потому что в этих юбках ненормальная женщина вытащила не только локтей десять всякого тряпья, но еще и какие-то снадобья, пирожки в промасленном пергаменте, новые вязаные носки, свернутые в тугой рулон непонятные бумаги, еще свертки… и несколько форменных совиных кинжалов. Да эта чокнутая даже в грудь себе умудрилась чего-то напихать.

– Серьезно? Бинты в декольте?

– Конечно. Сейчас и понадобятся. Тут еще вот, мазь. – Она вытащила узкий флакончик прямо из ложбинки, окончательно заставив меня закатить к небу глаза.

– Жаль только, что один, и тот неполный. Напоролась на угол стола, боялась пользоваться магическим зрением, вот Паоло и притащил его. Не знаю, как с ранами, но от си-

няков избавляет влет.

– Так, с этого места подробнее! – в очередной раз ошалел я.

– Про Паоло? – вдруг насторожилась святая.

– Нет, жена моя, про больную щенячью преданность этого идиота даже блохи на кухонном коте слышали. А вот про твое магическое зрение узнать будет гораздо интереснее.

Глава 11

Алла

– А разве у тебя такого нет? – Я вздохнула и попыталась на ощупь еще раз проверить, чего там успела наворовать нужного в процессе орденских бдений. Было не так-то легко определяться с объектом кражи, когда в ухо все время кто-то бухтел про жития святых и вообще торчал рядом почти непрерывно. Да и в принципе воровать – не моя стихия. Никогда раньше не приходилось, а тут пришлось экстренно научиться.

– Какого? – Инсолье все же лег на расстеленный плащ тылом кверху и предоставил мне поле для лечения. То, что ему больно, он теперь старался не показывать даже лицом. Вся мимика, в принципе, стала немного суше. И это, если честно, слегка огорчало. Мне нравилось, что я могла видеть в мультиках его настоящие эмоции. Пусть это и было не особо честно по отношению к мужчине.

– Магического зрения. Как вы вообще пользуетесь тем, чего не видите? Я думала, у всех местных так – нити заклинаний разного цвета, вы их переплетаете, направляете и еще как-нибудь ими манипулируете, – врала я не сильно, точнее,

даже не врала. Ведь сперва действительно не знала реалий этого мира.

– С ума сойти… Уф, давай с самого начала и подробнее.

Я тихонько вздохнула и начала рассказывать с самого начала. И про эхолокацию тоже. К концу повествования аккуратно промокнула мазью последний рубец от хлыста на его плечах и накрыла полоской чистой ткани.

– То есть, погоди… – Во время лечения Инсолье лежал смирно и вникал в тонкости моего общения с миром, а сейчас попытался перевернуться на бок, и пришлось сбивать эту идею на подлете, прижав его плечи руками к плащу. – Погоди… и ты с самого начала видела мое лицо? И что я там у тебя «за спиной» делал?!

– Рожи корчил – умереть не встать, – кивнула я и улыбнулась.

– И, зная все это, ты от меня не сбежала? Совсем… глупая? – Недоумение Инсолье вышло на новый уровень.

– Ты просто со стороны себя не видел. – Я пожала плечами. – Как бы тебе объяснить… Ты злился, хмурился, скалился, даже рычал тихонечко – другие бы не услышали, но у меня слух натренированный. Но все это в целом не несло никакой угрозы. А когда начинал действовать… понимаешь, это чувствуется даже через прикосновения – ты хотел присвоить. Защитить. Удержать. Но не навредить. С какой стати мне бегать? Мне все нравилось. Я на второй, по-моему, день влюбилась и в скорченные рожи, и в то, как собственнически

ты меня обнимал.

– Я не знаю, как тебя еще назвать. Разве что – ненормальная. Но в какой-то степени я даже рад твоему напрочь атрофированному чувству самосохранения. Ну или этой вот странной интуиции. Ведь теперь ты принадлежишь мне, – последние слова прозвучали на редкость безапелляционно и даже слегка с вызовом.

– А ты мне, – согласилась я, чем ввела свое ворчливое несчастье в короткий ступор – обратной стороны медали Инсолье не ожидал и удивился, что она есть.

– Дай мне штаны, – сделал он неожиданный вывод, когда переварил новости. – Чего я тут голый лежу…

– Ты замерз? – Я удивилась, потому что температуры у Инсолье не было, а на полянке, где мы расположились, было не просто тепло – жарковато. Мы специально в тень ушли.

– Нет, – мотнул он головой. – Просто неприлично.

– И это меня ты называешь странной? – Не рассмеяться было невозможно. – Кого ты тут стесняешься?

– Дай подумать… одной святой извращенки, которая, оказывается, все это время подглядывала. И подслушивала, – снова привычно заворчал Инсолье, слегка морщась и пытаясь дотянуться до одежды. Не дотянулся, я ее проворно убрала подальше.

– Знаешь, не хочу тебя огорчать, – вернулась и поправила полоски бинтов поверх следов от хлыста. Погладила его по бедру. – Но мне в общем все равно, надеты на тебе штаны

или нет. Для нитей одежда не преграда.

– Что? Это получается… получается… Сколько мужчин ты видела голыми?! Отвечай!

– В этом мире? – уточнила я и задумалась.

– А ты и в прошлом… Тьфу! Да ты ж несколько дней со всеми орденцами жила! Сколько ж подушек придется набить совиными перьями!

– Не будь ребенком. – Я осторожно встала и принялась собирать другие разбросанные вокруг плаща вещи. Заодно нащупала котейку, погладила и пересадила удивительно тихого зверька под бок к Инсолье. – Какое мне дело до других мужчин?

– Надо срочно вернуть тебе глаза! Чтобы ты больше ничего лишнего не видела! – Инсолье на эмоциях ударил кулаком по ближайшей кочке, отчего из-под нее буквально вылетела маленькая испуганная мышь, громко и матерно пища на нас. Но не прошло и пары секунд, как мышь оказалась в пасти кошечки. Пушистая недонежить совсем не по-детски перекусила грызуну горло – запахло кровью. И судя по звукам, повернулась ко мне, вроде как спрашивая, не хотим ли мы разделить трофей. Я сразу отрицательно покачала головой, и малышка, разве что не пожав плечами, гордо потащила мышь в кусты – обедать.

– Ничего не имею против глаз. Но давай на берегу договоримся – ты самый красивый. Мне хочется смотреть только на тебя. Остальные меня не интересуют, даже если начнут

всем обнажившимся коллективом танцевать на столе, специально крутя бедрами и демонстрируя всевозможные прелести.

– Чего?! – подавился воздухом Инсолье и принялся отчаянно кашлять. А когда отдышался и вытер мокрое лицо, осторожно попросил: – Слушай, не надо больше так. У меня живое воображение настоящего профессионального некроманта и куча опыта. Я слишком явно представил глав ордена танцующими на столе голышом. Так и помереть недолго! Особенно если Филипп и Паоло, тьфу, шатт! Кошмар какой! Брр-р! Никогда не думал, что скажу это, но за такую стыдобищу только на костре жечь.

– Вот. – Я удовлетворенно кивнула и занялась именно костром, потому что впервые за несколько дней проснулся аппетит. – Ужасное зрелище. Так что давай ты не будешь считать меня маленькой девочкой, которой раз покажи голую мужскую попу, а она уже в корне развратится. И начнет вешаться на всех подряд.

– Я никогда не имел это в виду, – слегка смутился Инсолье, – но ты все равно должна мне пообещать, что больше не полезешь никакими магическими щупами в штаны других мужчин.

– В твои, значит, можно? – Кстати, это интересно эротическая мысль, и я буду ее думать.

– Сама мне недавно доказывала, что не увидишь там ничего нового. Тем более что туда ты уже чем только не лази-

ла… – Мужчина как-то странно простонал и уткнулся лбом в сложенные перед головой руки. – Вот зачем я это сказал, а?! Зачем?! Идиот!

Я тихо хмыкнула, поняв его проблему, и хотела пошутить в ответ, но не успела. Кусты за моей спиной громко затрещали. Громко и неожиданно – словно кто-то свалился с облака сразу рядом с поляной, а не шел через лес, как все нормальные существа.

Глава 12

Инсолье

– У меня есть подозрение, что эта свинья обладает еще и даром ясновидения. По-другому я вообще не могу объяснить, как она оказалась тут так быстро. – Я покосился на широкие мужские штаны, художественно развешанные в ближайших кустах. Как лично «запоротому всякими гадами бедняжке», мне категорически было велено лежать и не рыпаться, а чокнутая сова сама занялась хозяйством.

Вот ведь… теперь, когда она не скрывала свою сущность, я смотрел во все глаза и думал: а где они раньше были? Да эта женщина похожа на Имран не больше, чем я – на священный символ божественного соития. Эм-м… странное сравнение в голову пришло, это все сова виновата со своими поползновениями. Но тем не менее.

– Хрюша просто очень умный. – Сова мазнула подолом по моей руке, проскальзывая мимо так быстро, что я за него поймать в очередной раз не успел. Проворная. И двигается слишком уверенно для слепой. Хотя настоящего зрения у нее все же нет, и это заметно: то замрет, прислушиваясь к себе и природе, то не глядя руку тянет и берет с костра

сковородку точно за ручку.

Да! У нас снова есть сковородка. И не только она. Потому что у нас есть еще и очень хорошая, полезная и сообразительная свинья. Которая где-то нашла, украла или отняла тюки со скарбом. Не нашим, но это мало кого волнует.

Вслух я такой похвалы никогда не скажу, потому что нефиг морду, в смысле, рыло баловать. Но про себя признаю: Хрюша так быстро нас нашел, так правильно подкрался и так умно притащил пожитки в мешке – да он свино-химеровый гений, не меньше. В его добыче нашлась даже одежда, ее сова теперь стирала, чтобы я потом смог надеть чистое.

– А если ты не Имран, то как ты вообще оживила… или подняла, не знаю, такую штуку?

– А почему нет? – пожала плечами она, выжимая рубашку, которую только что прополоскала в ручье. Я в очередной раз отметил, как ловко двигаются ее руки. Святая из ордена никогда в жизни ничьих рубашек и подштанников не стирала, ни своих, ни чужих. А вот Элле явно приходилось этим заниматься. Хотя она и рассказала мне про чудный магический прибор «стиралка-автомат», когда я отметил ее мастерство. А потом посмеялась и добавила про дачу, лагерь и поход, в который артефакты не берут. И про то, что одни трусы и пару носков в раковине руками постирать легче и быстрее, чем закладывать в стиралку сразу кучу белья…

– Ну да, всего лишь нарушились фундаментальные законы магии. Ты просто о них не знала, вот они и не сработа-

ли. Эх… хотя, в принципе, чего это я. Фундаментальными их считала только церковь. Мол, святая светлая магия никогда не смешается с отвратительной темной, и в худшем случае они просто взаимоуничтожаются, а в лучшем – свет победит. С другой стороны, попытки создать многофункциональное лечебное зелье действительно заканчивались чем-то подобным. Так что на остальных заклинаниях никто толком не проверял. Тем более на поднятии нежити.

Имран повернула в мою сторону голову, ее лицо, свободное от повязки, показалось мне особенно красивым, несмотря на шрамы. Она явно воспринимала мои слова как какую-то музыку, не особо даже вслушиваясь в смысл. Это слегка раздражало – для кого я тут распинаюсь? И смущало одновременно: как вообще мой охрипший от криков, грубый и скрипящий клекот может на кого-то действовать подобным образом?

Да и… еще никогда в жизни никому не было приятно слышать мой голос просто так. Чтобы я болтал любую чушь, лишь бы не молчал и просто был.

Это очень странно и вместе с этим ужасно приятно. Не знаю, в общем, как на такое реагировать. Даже, наверное, страшно немного от такого абсолютного принятия. Или от искренности. Она совсем не боится показать мне свою слабость и зависимость? Почему? И что мне теперь со всем этим делать? Я не умею и не понимаю, как воспринимать и вести себя с человеком, который мне настолько доверяет.

Продолжать поливать сарказмом? Ну, я, конечно, жестокая темная сволочь. Но сволочи в моем лице тоже бывает совестно.

Хотя по-другому я ведь просто не умею!

Меняться? В тот розовый неудобоваримый сироп из бардовских песен, любовных романов и прочих искажателей бабской действительности? Тут тогда я сам с ума сойду, да и если бы блаженной сове нравился такой типаж, то она б уже в объятиях Паоло плакала о своей нелегкой судьбе.

– Ты чего гудишь, как холодильник под напряжением? – Имран, то есть Элле, закончила с бельем и села рядом со мной на плащ, осторожно начала приподнимать бинты на спине, проверяя, как впиталась мазь.

– Ты ведь встречалась с Паоло в храме? Со своим… братом? Как он тебе? – решил я пойти самым легким путем и просто спросить. Заодно последить за мимикой и реакцией совы. А про холодильник потом выясню. Тоже, наверное, артефакт из другого мира.

– Конечно, встречалась, он же меня туда и приволок. Хороший человек, но ты бы знал… как он меня бесил всю дорогу.

– Бесил? Тебя? Паоло? – недоуменно дернул я бровями, вспоминая, как святая раньше липла к брату банным листом. Или он к ней? Там было не особо понятно, но казалось, общество друг друга они просто обожали. Целомудренно так обожали, все время хотелось помоями плеснуть в их светя-

щиеся рожи. Или, злобно хихикая, подлить парочке в святую воду афродизиака, потому что ну просто невозможно же так тупить!

Хорошо, что не подлил, теперь эта сова – моя, всякие святые братья со своими высокими чувствами пусть между собой сношаются. Хоть и было бы только ее тело, а не душа, но все равно! Мое!

– Это кошмар какой-то, – доверительно поделилась сова, закончив проверять мою спину и приступая к заднице. – Он ни на минуту не отлипал и все время что-то говорил. Я думала, голова лопнет. Нес какую-то высокопарную чушь, читал жития непонятных чудных людей, которых неизвестно зачем и почему объявили святыми. Он все время создавал шум и очень мешал сосредоточиться. Сориентироваться. И я боялась при нем пользоваться нитями. Но это мелочи все, главное – он приказал тебя убить. – Тут совиная ладонь, скользящая по моей пояснице, сжалась в кулак. – Я очень жалела, что не могу его ударить.

– М-м-м, мед для моих ушей, – радостно засмеялся я, вставая с плаща, натягивая на место тонкие нижние штаны и аккуратно приобнимая свою пернатую переселенку. Так, чтобы ее усилия по втиранию в мою спину всяких мазей не прошли даром. – Эх, слышал бы об этом Паоло. Может, у него поубавилось бы шаттовой святой самоуверенности, из-за которой неплохой в общем-то мужик превратился в непроходимого идиота.

– Я слышал… – раздался злобно-удрученный голос из кустов, заставший всех нас дернуться и встать в боевую стойку. Перехвалил я свина. Опять мимо него все враги прошли.

Глава 13

Алла

Первым порывом было привычное – отвернуться, закрыть лицо руками, спрятать шрамы. В подкорку въелось еще там, в прошлой жизни. Но почти сразу это желание пропало – слишком серьезная опасность, чтобы вспоминать о глупостях.

Нити магии, которые именно рядом с Инсолье становились подвижными, длинными и сильными – я потом подумаю, почему так, – взвились вокруг нас, как змеи вокруг головы медузы Горгоны.

– Нет, не надо. – Инсолье поймал меня в охапку, развернул к себе, спрятал мое лицо у себя на груди. – Неправильно, если ты его убьешь. Тебе нельзя. И мне нельзя – слышишь, ты, придурок? Даже убивать не стану, оглушу к шаттовой жопе, привяжу как тюк свинье на спину, и будешь изображать важный груз, пока мы с делами не закончим! Понятно?

– Инсолье. – Несмотря на страх, мозг работал четко. Гораздо лучше, чем в прошлый раз. – Он тут один. Это странно. Осторожнее.

– Ясное дело, один. – Мой сердитый некромант скривил-

ся, как от очень кислого и тухлого лимона за щекой. – Одного и послали. Только как навели – не пойму.

– Значит, это правда. Ты сбежала с ним добровольно. – Паоло поднял было руку с мечом, но затем сам же, будто с усилием, опустил ее. Меч с влажным звуком вонзился в землю.

– Да, – спокойно согласилась я, не оборачиваясь. – Мне жаль тебя, алый брат. Та Имран, которую ты знал, умерла. Ее больше нет. Может, в память о ней ты оставишь нас в покое?

Конечно, последнее я добавила без всякой надежды на то, что Паоло проникнется и сам уйдет. Но вдруг? Чудеса бывают.

Увы, не случилось.

Паоло говорил с трудом, у него голос дрожал от боли и напряжения.

– Это все твоя магия, да, темный? Зачем?! Ты и так уничтожил половину святого братства и ни в чем не повинных прихожан! Зачем тебе осквернять еще и святую, которая по твоей же вине и так потеряла все! Чудовище! Что это?! Любовный сглаз? Приворотное зелье?

– Нормальный мужик – и никакого жития святых, – злобно отозвался Инсолье, крепче меня обнимая и незаметно сдвигаясь в сторону кустов. – Собственно, всем женщинам именно это и нужно, а не чтения придурошных религиозных текстов при луне. Это не я. Это вы сами выкинули слепую девчонку на дорогу, сами поломали все, что в ней было, в том

числе и память. А я крайний? Хрен вам шаттов поперек всей морды. Уж того, что вы так поведете себя со своей спасительницей, даже столь прогнившая душа, как моя, не могла предсказать.

– Значит, ты ее… пожалел и… подобрал? – по-своему интерпретировал для себя слова Инсолье Паоло. – И потому… дева в беде…

– Она! Моя! Жена! Мы даже пожениться уже успели за время ваших дохлых поисков, чтоб ты знал! А теперь пошел на хрен, святоша шаттов, со своими придурошными теориями! Хоть бы раз мозги приложил по назначению и подумал, почему тебя отправили за нами одного! – Инсолье явно разозлился всерьез. Я чувствовала, как в нем дрожит и копится сила для удара.

– Филипп сказал, что у Имран, кажется, помутился рассудок. И что если другие братья обнаружат ее в этом состоянии, то могут снова обвинить в предательстве. Потому я один… Командир был прав.

– Твой командир выпустил меня из темницы, чтобы я тебя убил, – выплюнул Инсолье с ядовитым презрением. – Еще там, на площади, при побеге. Только вот опять не предусмотрел инициативы одной блаженной святой. Она ему в прошлый раз все планы поломала, не дала стать единственным выжившим спасителем братства, и теперь меня из-под носа уволокла поперек плана. Но как я вижу, мой темный братец в белых перышках не сдается.

– Что ты несешь?! – Последние слова некроманта вывели-таки Паоло из ступора, и он мгновенно взъярился. Меч выскользнул из земляного плена, и я почувствовала, что клинок нацелен прямо на нас. – Тварь, какая же ты тварь! Портишь и пачкаешь все, чего коснешься! Не смей клеветать на моего брата и командира! Ты и меня с орденом хочешь рассорить своими интригами? Признавайся, что ты наврал Имран! Почему она за тобой пошла?

– Интригана нашел, – огрызнулся Инсолье. – Я искренне и прямо вас всех ненавижу, сволочи, и не собираюсь этого скрывать. Много чести, ссорить тебя с орденом. Ты все равно уже мертвец, с какого шатта мне напрягаться?

– Почему?! – Паоло уже орал в голос. – Почему он, Имран?! Почему…

– Почему не ты? Это я тебе отвечу, это я знаю. – В голосе некроманта была злая радость. – Потому что я ей не врал о самом главном! Не строил из себя целомудренного брата! Не струсил, когда пришлось действовать! Потому что я был рядом. Заботился. Кормил. Укрывал, чтобы ночью не мерзла. Смотрел, чтобы куда не влипла со своей святой привычкой всех спасать.

– Я… я ведь делал то же самое!

– Да ни шатта не то же самое! Ты врал и себе, и ей всю дорогу! Уговаривал вас обоих, что между вами лишь братские чувства. А затем сам отдал ее Филиппу! Сам!

– Она любила его. Если ты искренне любишь человека, то

заботишься лишь о его счастье.

– Та Имран никого не любила, баран ты божий. – Инсолье резко сбавил тон и устало выдохнул. – Не умела от скудности мозгов. Или потому, что не успела повзрослеть под вашим святым крылом. Не знаю. Это неважно.

– А что важно, темный?! Что? То, как ты ее принудил? Если бы у Имран была ее память, она бы никогда не пошла с тобой добровольно!

– Ты идиот! – снова завелся некромант. – Никого я…

– Я вот стою и слушаю… – Нет, ну я правда стояла и слушала, но тут решила вмешаться. Конечно, пока они просто орут – они друг друга не убивают. Но во-первых, уже на второй круг пошли, а во-вторых, опять начали распаляться и хвататься за колюще-режущее. Лучше затормозить в моменте, когда лишних дырок в обоих еще нет. – Вы оба так хорошо все за меня решаете, что даже вмешиваться не хочется. И что я думала, и что я думаю, и как бы себя повела, если бы да кабы. Может, все же спросите, как я сама ко всему этому отношусь?

– Тебе затуманили разум, – тут же смутился Паоло.

– Удобная позиция. – Меня даже шрамы на месте глаз перестали волновать, я попыталась обернуться к алому брату. Зато они не перестали волновать Инсолье, и он мне не дал такой возможности. Достал откуда-то чуть ли не из воздуха повязку и сам закрыл ею следы огня на моем лице. Только после этого отпустил. – Позволяет решать все за меня, абсо-

лютно не интересуясь моим мнением. Ведь что бы я сейчас ни сказала, ты все спишешь либо на магию, либо на искусные манипуляции моего мужа. Но это не сработает, Паоло. Мне жаль. Но если ты нападешь, я ударю в ответ. Я не дам тебе еще раз отнять его у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.